

Глава 29. Избранный Небесами

Лазурный небосвод был усеян призрачными облаками, которые, подобно лепесткам ландыша у кромки озера, легко покачивались на ветру. Но стоило опустить взгляд, как идиллия рассыпалась: среди руин разрушенных хижин плыли охапки соломы и обломки балок. Потоки воды несли чью-то одежду, закручивая её в грязных воронках, а между ними мерно покачивались вздувшиеся тела. Трупы разбухли так сильно, что в них едва угадывались человеческие очертания. Там, где мутная гладь смыкалась с горизонтом, подобных скорбных свидетелей катастрофы было не счесть.

Лю Цзунли мрачно опустил голову.

— Находясь в Ванцзине, мы и представить не могли, что здесь творится такое.

Трое принцев вели борьбу за власть, а расплачиваться за их амбиции приходилось простым жителям Ичжоу.

Люй Цзюйчжэн, который обычно на каждое чужое слово находил три колких ответа, на этот раз хранил молчание. Его сухие пальцы до белизны костяшек сжали кожаные поводья.

— У всякого дела есть начало, но редко кто доводит его до достойного конца, — проговорил он наконец.

Вступая на службу, каждый из них мечтал о благе народа и верности государю, но в итоге многие теряли истинное «я». Начинали за здравие, а заканчивали бесчестьем, и вновь страдали лишь простые люди.

— Какой смысл оплакивать прошлое? — Жун Цунцзинь, отметив на карте все водные артерии, резко развернул коня. Могучий скакун послушно вскинул голову и направился вниз по склону. — Если мы прибудем на день раньше и спасем хотя бы одну жизнь, это уже будет стоить всех усилий.

— Ты! — Люй Цзюйчжэн в гневе вскинул бороду и ткнул пальцем ему в спину. — Каменное сердце!

Увидев тысячи тел и бесчисленное множество разрушенных деревень, этот юноша даже бровью не повел.

Чиновники Ичжоу, следовавшие позади, обменялись красноречивыми взглядами. По молчаливому согласию они придержали коней, позволяя посланникам из столицы уйти немного вперед.

Когда они достигли середины горы, птицы с шумом сорвались с ветвей, пронзая небо. Лишь

неутомимый горный ветер продолжал завывать в ущельях, подобно плакальщице на похоронах. Люй Цзюйчжэн почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ему необъяснимо показалось, что всё это уже когда-то было. Забыв о недавней обиде, он пришпорил коня и поравнялся с Жун Цунцзинем.

— Не стоит идти дальше, — вполголоса предупредил он. — Здесь что-то не так.

Местные чиновники годами правили в Ичжоу, словно мелкие царьки. В первый же день люди Восточного дворца задели их интересы — добром это не кончится, впереди наверняка ждет кровавая расправа.

— Вы слишком тревожитесь, господин. Нам осталось осмотреть паводковую ситуацию еще в трех уездах. Если закончим пораньше, успеем вернуться в город и отдохнуть, — Жун Цунцзинь ответил безупречной, но слегка рассеянной улыбкой.

Люй Цзюйчжэн, хоть и был столичным сановником, оставался лишь цензором-советником. Посланник же Восточного дворца держал в руках дарованный императором меч и обладал правом инспекции от имени самого Сына Неба. Приходилось подчиниться.

Не сумев переубедить спутника, Люй Цзюйчжэн продолжал путь, чувствуя, как на висках выступает холодный пот. Не до конца затянувшаяся рана на груди снова заныла. Он слегка наклонился и запустил руку в широкий рукав, сжимая холодный твердый предмет — лишь это придало ему немного уверенности. Его острый, как у ястреба, взгляд впился в узкий поворот у самого края обрыва.

С обеих сторон высились крутые скалы, между которыми вилась единственная тропа, прорубленная в камне. Густые заросли по бокам скрывали обзор, и даже небо над головой превратилось в узкую полоску.

Конь Жун Цунцзиня первым вступил в теснину. Животное тревожно заржало, неохотно подчиняясь воле всадника. Ветер со свистом хлестал по лицу. Когда они прошли несколько сотен метров, скалы содрогнулись. Мелкие камни посыпались с вершин, разбиваясь в пыль у копыт лошадей.

Как только последний всадник свиты миновал ущелье, Люй Цзюйчжэн с недоверием оглянулся. Жун Цунцзинь уже развернул коня; на его губах играла улыбка, но в глубине глаз застыл лед.

Чиновники Ичжоу, ничего не понимая, тоже проехали через долину. Жун Цунцзинь, по-прежнему возглавляя отряд, громко спросил:

— Ну что, господа, надумали, как нам совладать с наводнением?

Не успели они ответить, как впереди показались человеческие фигуры. Самые догадливые из местных попытались было развернуть лошадей и бежать, но путь им преградил холодный блеск копий. Неизвестно когда отряд гвардейцев зашел им в тыл. Одно движение — и острые наконечники уперлись беглецам в горло.

Чиновников притащили к Жун Цунцзиню. Увидев перед собой несколько сотен воинов в полном боевом облачении и ряд коренастых разбойников, стоящих на коленях со связанными руками, они мгновенно побледнели. Рядом на земле валялись брошенные тесаки и топоры.

— Полагаю, вы скорее думали о том, как совладать со мной? — негромко произнес Жун Цунцзинь.

Генерал в серебряных доспехах спешился и преклонил колено перед конем Жун Цунцзиня.

— Младший полководец Ли Э, командир под началом военного комиссара Ичжоу, прибыл для содействия посланнику Ванцзина. Тридцать один разбойник схвачен, захвачено более сотни камней для метания.

— Жду ваших распоряжений, господин посланник, — почтительно добавил Ли Э.

— Казнить, — коротко бросил Жун Цунцзинь.

Ли Э едва заметно повел пальцами, и солдаты вскинули копья, готовые пронзить пленников.

— Погодите! — вскричал Люй Цзюйчжэн. Он поспешно соскочил с коня и принялся вглядываться в лица разбойников, надеясь найти знакомых, но все они были чужаками.

— Господин? — вопросительно взглянул на него командир.

Люй Цзюйчжэн лишь махнул рукой и, впав в оцепенение, отошел в сторону.

Раздалось несколько глухих звуков — сталь вошла в плоть. Разбойники, чьи рты были заткнуты тряпками, повалились на землю. Несколько конвульсий — и всё затихло.

— Я в Ичжоу всего один день, а вы, господа, уже потеряли терпение? — Жун Цунцзинь отвел взгляд от тел и улыбнулся.

Командир Ли Э свистнул, и воины плотным кольцом окружили ичжоуских чиновников.

— Господин посланник, как поступить с этими людьми? — спросил Ли Э.

Чиновники замерли, словно деревянные истуканы. Они выглядели немногим лучше тех бандитов, чья кровь уже стекала в канаву алыми ручьями. Посланник из столицы пробыл здесь всего сутки, а на его руках уже были десятки жизней. Даже палач не был бы столь беспощаден.

Жун Цунцзинь с улыбкой разглядывал их. Чиновники боялись пошевелиться; пот катился с них градом, словно их бросили в раскаленную печь. Они не сводили глаз с губ посланника, боясь услышать роковое: «Казнить и этих».

Они могли не знать других, но этот человек в первый же день обезглавил уездного чэн-гуаня, а теперь без тени сомнения вырезал тех, кто лишь номинально считался разбойниками, а на деле был их тайным оружием.

Четвертый принц не пострадал лишь потому, что военный комиссар Хойчжоу — его дед по материнской линии, да и самому принцу было плевать на дела Ичжоу; ему они с радостью подносили золото и серебро. Но этот посланник Восточного дворца был иным. Он явно намеревался выкорчевать всю гниль в провинции. И чем ждать, пока их передушат поодиночке, они решили рискнуть всем в одной схватке.

— Неужели вы хотели отомстить за уездного чэн-гуаня? — Улыбка Жун Цунцзиня слегка померкла. — Вряд ли. Похоже, вы не были с ним близки. Значит, дело в серебре, выделенном на ремонт дамб...

Жун Цунцзинь достал из рукава обернутую промасленной бумагой тетрадь и швырнул её на пыльную дорогу.

— Это было изъято вчера при обыске в поместье чэн-гуаня. Там подробно записано, сколько казенного серебра, присланного из Ванцзина, присвоил он, сколько — вы, и сколько поднесли богачи и местные землевладельцы под видом «подарков на уголь и лед».

— Из средств на ремонт дамб до реки Цзючжоу не дошло и десятой части. Сверху донизу все погрязли в воровстве. Ичжоу годами страдает от паводков, народ нищенствует, а вы умудрились выжать из уездов десятки тысяч лянов. Поразительно, — с издевкой похвалил он.

— Абсурд! Невероятно! — Люй Цзюйчжэн, не находя других слов, бросился поднимать тетрадь. В душе он был честным цензором, но ему не хватало дотошности. Он мог обличать принцев в расточительстве или захвате земель, но распутать сложную сеть коррупции был не в силах.

Теперь же, когда улики были перед ним, Люй Цзюйчжэн воспрянул духом. Ли Э нахмурился, и двое солдат вежливо, но твердо отвели цензора подальше от ичжоуских чиновников.

Те дрожали как осиновые листья, не в силах стоять на ногах. Один за другим они повалились на колени. Раньше они воровали еще больше, но с приходом нового губернатора, Лю Цюаньлиня, им пришлось померить аппетиты — тот не брал взяток и следил за ними слишком

пристально.

Губернатор Лю Цюаньлинь, подобно муравью, пытался по крупицам восстановить дамбы на реке Цзючжоу. Но удача отвернулась от него: дамбы, заброшенные годами, превратились в решето. В его правление их прорвало, и как раз в это время прибыл с инспекцией Четвертый принц. Стороны быстро договорились: уездный чэн-гуань поднес принцу двести тысяч лянов, а тот в ответ написал доклад, в котором обвинил Лю Цюаньлиня в халатности и казнокрадстве, свалив на него всю вину.

Вчерашняя казнь чэн-гуаня дала им понять: тайное станет явным. А раз за это всё равно полагалась плаха, они решили идти до конца.

— Об этом в Ванцзине знаем только мы, — Жун Цунцзинь протянул руку ладонью вверх. Ли Э лично вложил тетрадь ему в руку. Посланник обвел всех взглядом, и его тон смягчился: — Прошлого я ворошить не стану. Сколько вы там наворовали — дело ваше и Ичжоу. Но наводнение... Если кто-то из вас посмеет медлить и упустит время, не вините мой меч в том, что он не знает жалости.

— Да, да, конечно! — Чиновники, не ожидавшие пощады, принялись неистово бить поклоны, касаясь лбами земли.

Вечером, когда отряд вошел в город, чиновники снова замерли в изумлении. Утром, когда они уезжали, в Ичжоу царил хаос. Теперь же, хоть вода еще не отступила, в городе чувствовался порядок. На возвышенностях из кирпича и камня были сооружены платформы, защищенные от воды. Вдоль дорог стояли сотни шатров из синей ткани, способные вместить тысячи людей. Кухни уже работали: в воздухе плыл густой аромат разваренного зерна, а под котлами весело лизало металл ярко-красное пламя.

— Учитель, — подошел Цинь Чжэн. — Всё подготовлено согласно вашим указаниям.

Жун Цунцзинь огляделся. Теперь, когда у людей появилась еда, в глазах беженцев стало меньше ненависти. Ведь всё, чего они хотели — это просто выжить...

— Воду пить только кипяченую, — негромко распорядился Жун Цунцзинь. — Кашу варить жиже, пусть будет больше отвара.

Беженцы Ичжоу не видели нормальной еды по меньшей мере полмесяца, перебиваясь случайными кусками. Если истощенный человек внезапно наестся досыта, его нутро не выдержит — живот вздуется, и наступит мучительная смерть. Нужно несколько дней давать им понемногу, чтобы организм окреп.

— Господин посланник просто чудотворец! Всего за день устроить тысячи людей, — поспешил с лестью ичжоуский тунчжи. Жун Цунцзинь лишь загадочно улыбнулся.

За него ответил Цинь Чжэн:

— Мест, не залитых водой, в городе мало. Зато ваши поместья, господа, наводнение не затронуло. По приказу господина посланника часть беженцев из уездов уже размещена в ваших домах.

Улыбка на лице тунчжи мгновенно застыла.

— Это лишь временная мера, — пояснил Жун Цунцзинь. — Когда вода сойдет и дома будут отстроены, люди вернутся в родные края.

Иными словами, пока вода не уйдет и не появятся новые дома, эти люди будут жить у них. Тунчжи едва сдерживал гримасу, а Жун Цунцзинь тем временем небрежно спросил:

— Людей пересчитали?

— Списки всех беженцев, размещенных в домах господ чиновников, составлены, — Цинь Чжэн достал из-за пазухи тетрадь. — Вот реестр.

— Хорошо, — Жун Цунцзинь удовлетворенно кивнул и ласково обратился к тунчжи: — Вы же знаете, первая партия продовольствия невелика, а ртов в городе много. Если бы вы могли разделить мои заботы...

Тунчжи, скрежеща зубами, сложил руки в поклоне:

— В моем поместье еще остались запасы зерна. Я буду рад послужить вам.

— Господин, вы истинный отец народа и человек высоких правил! — Жун Цунцзинь с восхищением поклонился в ответ. — Я непременно доложу императору о ваших заслугах.

— Ну что вы, что вы... — Они обменялись улыбками, но тунчжи и остальные чиновники выглядели совершенно павшими духом.

Ночь была черна как тушь. После изнурительного дня Жун Цунцзинь всё еще сидел за столом. Он переносил на карту Ичжоу новые русла рек, изменившиеся из-за паводка. Фу Тун подошла, чтобы сменить остывший чай, и тихо прошептала:

— Господин, ложитесь пораньше.

— Еще немного осталось, — покачал он головой.

— Тогда позвольте мне хотя бы снять с вас венец, чтобы вы отдохнули, — с сочувствием произнесла Фу Тун. Её господин трудился весь день, наверняка и глотка воды не сделал — губы совсем побелели.

— Не нужно.

В этот момент в дверь постучали.

— Выйди, — вошедший человек бросил взгляд на Фу Тун и нахмурился, недовольно хмыкнув.

Глубокая ночь, мужчина и женщина наедине в одной комнате — какое неприличие!

Фу Тун растерянно посмотрела на господина.

— Ступай, — разрешил Жун Цунцзинь.

Она поклонилась и вышла, оставшись караулить у дверей. Вошедший, чьи полы одежды были в грязи, а впалые щеки украшала упрямая трехдюймовая бородка, отвесил Жун Цунцзиню небрежный полупоклон и сразу перешел к делу:

— Ты сегодня совершил огромную ошибку. Ты хоть понимаешь это?

Это был Люй Цзюйчжэн.

— Прощу вас, присаживайтесь, — Жун Цунцзинь лично подал ему чай.

Люй Цзюйчжэн отодвинул чашку и со вздохом покачал головой:

— Эти паразиты... Ты сегодня даровал им жизнь, но думаешь, они пощадят нас завтра? Благородный муж должен обладать не только добродетелью, но и решимостью карать.

— И как, по-вашему, мне следовало поступить? — спросил Жун Цунцзинь.

— Передать счета императору. Пусть он решает. Раз ты можешь распоряжаться войсками военного комиссара, нужно было дожидаться указа и казнить всех этих стервятников на месте, — Люй Цзюйчжэн гордо вскинул голову.

Жун Цунцзинь промолчал. Он достал из широкого рукава ту самую тетрадь, которую хранил при себе.

Люй Цзюйчжэн нетерпеливо открыл её. Но страницы в толстой тетради оказались девственно белыми. Пустота.

Цензор пролистал до самого конца, но не нашел ни единого иероглифа.

— Это... — он замер в оцепенении.

— Я лишь проверял их. У меня нет никаких доказательств, — негромко произнес Жун Цунцзинь. — Император бы мне не поверил.

Будь это раньше, Люй Цзюйчжэн непременно бы вспылит и тут же накатал донос на посланника, обвиняя его в самоуправстве и казнях без суда. Но после двух покушений в Ичжоу он лишился дара речи. Был ли этот поступок ошибкой, или же Жун Цунцзинь действительно покарал тех, кто того заслуживал? Ответ казался очевидным. Обойти законы империи и храм Дали — тяжкое преступление, за которое посланника ждало суровое наказание. Но следование букве закона отняло бы месяцы. Процедурная правильность стоила бы жизни тысячам людей, для которых каждое мгновение в затопленном крае было пыткой.

В конце концов Люй Цзюйчжэн промолчал. Он встал и отвесил Жун Цунцзиню глубокий, почтительный поклон.

— Учитель.

— Прошу вас, встаньте, — Жун Цунцзинь поспешно подхватил его под руки. Через ткань рукавов он почувствовал, как выпирают кости на запястьях старика.

Но Люй Цзюйчжэн не поднялся. Склонив голову, он прошептал:

— Я знаю, что бессилен. Я не смог спасти Лю Цюаньлиня и не могу помочь жителям Ичжоу. Если у вас есть силы — прошу, помогите им.

— Не стоит, господин. Мы приехали сюда именно ради этого.

Они обсудили еще несколько дел, и Жун Цунцзинь проводил гостя до дверей. Люй Цзюйчжэн, заметив Фу Тун, замялся, но всё же обернулся:

— Совесть учителя чиста, но всё же... стоит заботиться о своей репутации.

Фу Тун: «??»

Жун Цунцзинь не сдержал улыбки и кивнул. Лишь тогда Люй Цзюйчжэн ушел.

— Какой странный господин, — не выдержала Фу Тун. Хоть Принцесса-консорт и был в мужском платье, и служанке не подобало находиться с ним наедине, но статус её господина среди посланников был высочайшим. Кто бы посмел указывать на такие мелочи?

— В этом мире не так много людей, способных сохранить верность своему сердцу, — произнес Жун Цунцзинь, глядя вслед его худощавой фигуре. Для Фу Тун он был ворчливым стариком, но в мире, где большинство либо льстит ради выгоды, либо склоняется перед силой, те, кто не забывает свой путь, всегда кажутся странными.

Вернувшись в кабинет, он закончил карту водных путей, когда звезды на небе уже начали бледнеть. Жун Цунцзинь поправил фитиль свечи, достал лоскут тонкого шелка и, сменив кисть на изящную «пурпурный ворс», на мгновение задумался.

«Пишу тебе, и словно вижу пред собой... Князю в собственные руки. В мыслях моих лишь ты...»

В делах государственных он был решителен, но эта домашняя весточка давалась ему с трудом. Он наставлял Гу Чжао беречь себя, стараясь не быть слишком навязчивым, но чувства сами собой ложились на шелк, превращаясь в изящные строки, полные затаенной нежности. Лицо Жун Цунцзиня смягчилось. Письмо, написанное каллиграфическим почерком, в котором за изяществом скрывалась твердая воля, заняло целую страницу. Наконец он отложил кисть, открыл окно и дважды постучал по подоконнику.

— Кле! — Золотая орлица опустилась на деревянную раму, склонив голову и глядя на него.

— Потрудишься для меня, — Жун Цунцзинь спрятал письмо в бамбуковый футляр и закрепил его на правой лапе птицы. — Скоро и вы воссоединитесь, — добавил он тихо, не зная, понимает ли она.

Эта самка орла последние дни провела в карете, а когда они пересели на коней, она взмыла в небо и следовала за ними издалека. Зоркий глаз хищника позволял ей видеть всё на мили вокруг, так что не отстать от скакунов было несложно.

Жун Цунцзинь ласково погладил птицу по шее. Орлица издала довольное воркование, а затем с резким криком сорвалась с места, подобно падающей звезде пронзая предрассветное небо.